

Каких только чудес не случается в Рождественскую ночь! Сережа слушал, как мама читает ему святочные рассказы, и только диву давался. За окном наступала темно-синяя ночь. Двор быстро чернел, и только береза под ярким фонарем продолжала оставаться белой. Крупными хлопьями, словно ватные шарики на нитках, которыми они когда-то украшали комнату с елкой, падал снег.

Вспомнив то счастливое время, Сережа прищурил глаза. Береза сразу превратилась в ель, а многочисленные горящие в честь Рождества окна дома напротив стали светящимися гирляндами. Папа с мамой сновали по заставленной мягкой мебелью и увешанной коврами

комнате. Они доставали из буфета праздничную посуду с угощением...

Сережа сглотнул голодную слюну и открыл глаза. Ель снова стала березой, а комната – пустой и унылой, где не было ни ковров с креслами, ни праздничного стола, ни папы...

Мама лежала на истрепанном диване, читая про то, как бедный мальчик однажды попал из жалкой лачуги на рождественский бал во дворец. А папа... его последний раз он видел на вокзале, в окружении точно таких же спившихся бомжей.

– Ну, вот и праздник. С Рождеством Христовым, сынок! Я так хотела, чтобы и у нас с тобой были настоящие святки, но...

Недоговорив, она легла лицом к стене. Плечи ее вздрагивали.

Чем Сережа мог помочь ей? Обнять? Сказать что-нибудь ласковое? Но тогда она заплачет навзрыд, как это уже бывало не раз. Он знал, что мама надеялась получить сегодня щедрую милостыню у храма, куда придет на Рождество много-много людей, и, помнится, даже помогал ей мечтать, как они потратят эти деньги. Но у мамы заболело сердце, и врач сказал, что ей нужно лечь в больницу. «Только лекарства, – предупредил он, выписывая рецепт, – надо купить за свой счет». А самое дешевое из них стоило больше, чем мама зарабатывала за месяц, когда еще работала дворником. Где им достать таких денег?

Сережа перевел глаза на огонек лампадки. После того, как папа, пропив все самое ценное, исчез из дома, они постепенно сдали в комиссионку мебель и вещи. Мама хотела продать и родительскую икону, но какая-то бабушка сказала, что она называется «Всех Скорбящих Радость», и если мама будет молиться перед ней, то Бог и Пресвятая Богородица непременно придут на помощь. Никто на свете уже больше не мог помочь им, и мама послушалась совета. Она сделала из баночки лампадку и стала молиться, а потом ходить в храм, где до и после службы просила милостыню. И, удивительное дело, продавать им давно уже было нечего, денег достать неоткуда, потому что маме из-за болезни пришлось оставить работу, но еда, пусть самая черствая и простая, в доме не переводилась. Сегодня, после первой звездочки, они даже поужинали по-праздничному – черным хлебом с селедкой под луком! А вот завтра, холодея, вспомнил Сережа, им совсем нечего будет есть.

И тут он понял, чем может помочь маме! Если она сама не в силах пойти за милостыней, то должен идти он! Нужно было только дождаться, когда мама уснет или погаснет лампадка, чтобы он мог незаметно уйти из дома.

Улица встретила его разноцветным сиянием и многоголосой суетой. Мчались, шипя колесами, по заснеженному асфальту авто. Люди, смеясь и радуясь празднику, шли – одни обгоняя его, другие навстречу... Десятки, сотни, тысячи людей, и ни одному из них не было дела до одиноко идущего мальчика, у которого дома осталась больная мать.

От долгого стояния на одном месте стали мерзнуть ноги. Варежки он в спешке забыл дома и теперь вынужден был поочередно греть в кармане то одну, то другую руку. Наконец он присел на корточки и, не опуская ладошки – вдруг все же кто-то пройдет мимо, – почувствовал, как быстро проваливается в сон.

...Очнулся он от близкого громкого разговора. Сережа открыл глаза и увидел высокого красивого мужчину в распахнутой дубленке, с толстой сумочкой на ремешке, какие носят богатые люди.

– Можешь поздравить! – говорил он кому-то по трубке-телефону. – Только что исповедался и, как говорится, очистил сердце! Такой груз с души снял... Все, еду теперь отдыхать!

– Подайте... ради Христа! – испугавшись, что он сейчас уйдет, с трудом разлепил заледенелые губы Сережа. Мужчина, не переставая разговаривать, достал из кармана и небрежно протянул – Сережа даже глазам не поверил, но каких только чудес не бывает в Рождественскую ночь – сто рублей!

– Спасибо! – прошептал он и сбивчиво в порыве благодарности принялся объяснять: «У меня ведь мама больна ... рецепт... есть нечего завтра... было...»

– Хватит с тебя. Остальное Бог подаст! – поняв по-своему, отмахнулся мужчина.

И тут произошло что-то непонятное... странное... удивительное! Мужчина вдруг изменился в лице. Брезгливое выражение исчезло, и на смену ему пришло благоговейное. Он с восторгом и почти с ужасом, глядя куда-то выше и правее головы мальчика, стал торопливо расстегивать сумочку, бормоча:

– Господи, да я... Господи, да если это Тебе... Я ведь только слышал, что Ты стоишь за нищими, но чтобы это было вот так... здесь... со мною?... Держи, малыш!

Сережа посмотрел на то, что давал ему мужчина, и обомлел. Это были доллары...

Господи, да он же замерз! Ты ведь замерз совсем! – обращаясь уже к Сереже, воскликнул странный мужчина и приказал: «А ну, живо ко мне в машину, я отвезу вас... тебя домой!»

Мужчина не был пьян. Сережа, хорошо знавший по папе, какими бывают пьяные, сразу понял это. Он очень хотел оглянуться и посмотреть, кто это так помогает ему, но, боясь, что мужчина вдруг исчезнет, покорно пошел за ним следом.

В машине, отмякая в тепле, он сначала нехотя, а потом, увлекаясь, стал подробно отвечать на вопросы, как они с мамой жили раньше и как живут теперь. Когда же дошел до того, каким был у них праздничный ужин, мужчина резко затормозил машину и повел Сережу в большой магазин за продуктами. Как они доехали до дома, как поднялись на этаж, он не помнил. Пришел он в себя только тогда, когда предупрежденный, что мама спит, мужчина на цыпочках пробрался в комнату, осмотрелся и прошептал:

– Господи, да как же Ты сюда... да как же они здесь... Значит, так! Рецепт я забираю с собой и завтра же отвожу твою маму в больницу. Папой тоже займусь. Ты пока поживешь у моей бабушки. А здесь мы за это время такой ремонт сделаем, что самого Господа не стыдно принимать будет! Кстати, – склонился он к уху мальчика, – а Он часто у вас бывает?

– Кто? – заморгал Сережа.

– Ну, Сам... Он! – мужчина замялся и показал взглядом на икону, перед которой продолжала гореть лампадка. – Иисус Христос!

– Так значит, это был Он? – только теперь понял все мальчик. – И все это – благодаря Ему?!

Через полчаса Сережа, проводив мужчину, лежал на своей расшатанной раскладушке и слушал, как дышит во сне даже не подозревавшая ни о чем мама. За окном быстро наступало светло-синее утро. Окна в доме напротив давно погасли и не казались уже гирляндами. Береза тоже не хотела больше быть елью. Но ему теперь не было грустно от этого. Он знал, что в следующем году наконец-то и у них обязательно будут настоящая елка и святки. Ведь каких только чудес не случается в Рождественскую ночь!